И только память жива

Аўтар: Марыя Давідовіч
26.07.2009 13:20

Есть люди, чья судьба, как история. На полотнах их жизни будто выбиты знаки времен. Они – СВИДЕТЕЛИ. Среди таких людей – гродненец ГРИГОРИЙ НИСЕЛЕВИЧ ХОСИД, единственный живущий в нашем городе свидетель зверств фашистов над узниками гродненского гетто.

Можно прочесть массу книг о войне, но она все равно останется для тебя, человека, живущего в мирное время, набором стратегических решений и статистических данных. Но однажды судьба сведет тебя с человеком, который просто расскажет свою жизнь. И тогда не просто поймешь – прочувствуешь: вдруг немецкий штык уткнется в спину, леденящий хохот звереющего фашиста раздастся за спиной, неистовая плеть снова и снова опустится на окровавленное тело, осядет на висках липкий страх прижатых друг к другу тел, увозимых товарняками в лагеря... И станут понятны слова моего героя: «Я не могу ходить в театр. Я не могу даже читать художественные книги. Все то, что там написано, мне кажется искусственным, нарочито придуманным, пусть даже очень талантливо... То, что я пережил, страшнее всего...» † Еврейское Гродно «Тут жили мои родные, - он провел рукой, указывая на здание курии, - а вот здесь располагался кинотеатр» И мы поднялись на второй этаж, где собирались записать интервью...

Я родом из Гродно, мы жили на Подольной, в доме, который построил мой прадед своими руками. Долгое время после войны отцовский дом еще стоял, но увы, его заняли другие люди, и мне не удалось его вернуть. Ни отца, ни матери, никого из родных в войну не осталось, документов - тоже.

Мой дед (со стороны матери) был строителем. Он погиб то ли в Освенциме, то ли в Треблинке, чего я не знаю точно. А о судьбе второго деда в нашей семье вообще не принято было говорить. Никогда. Только после войны я узнал, что его жестоко убили в 1918 году во время еврейского погрома: выкололи глаза, вырезали язык и повесили на забор из колючей проволоки. Тогда в Гродно погибло 30 или 40 евреев. В Польше до войны была самая большая в мире еврейская община: около 3 млн. евреев. На Подольной улице в Гродно, где мы жили, между поляками (которых было большинство) и евреями были добрососедские отношения. Среди его друзей было много поляков. Вообще, у нашей семьи были самые хорошие отношения с поляками-соседями.Наши дети играли всегда вместе. Но, к сожалению, так было не везде. И если на нашей улице к нам относились хорошо, то на соседней – уже били камнями и обзывали.

Аўтар: Марыя Давідовіч
26.07.2009 13:20

Я учился в еврейской школе: в тарбуте, которых в Гродно было в то время много. Все школьные предметы мы изучали на иврите, кроме польской истории и географии, а ежедневно общались между собой и с окружающими на идиш и на польском языках. В школе учили и латынь, и английский. Когда в Гродно пришли русские – и все выучили русский язык, а затем - немцы. Я и сейчас знаю и говорю на пяти языках. У евреев принято молиться часто, много и аккуратно. Поэтому в городе Гродно, в котором до войны было больше 30 тыс. евреев, было много синагог. Почти на каждой улице была своя синагога – это было удобно, так как туда можно было зайти помолиться до работы и после работы. На нашей улице тоже было две синагоги, а отец ходил молиться в синагогу на Иерусалимскую улицу, ныне - Антонова.

Война... Война в 1939 году в Гродно началась с бомбежек. Еще в город не вошли немцы, а люди уже погибали. Мы сидели в подвалах, дрожали, были уверены, что из пушек стреляют немцы. Оказалось, что пришли советские войска.По отношению к евреям советская власть относилась по-разному. В начале XIX века в органах городского управления был около 80% евреев, в конце XIX в. – 50%, то при Советской власти евреи снова получили право участвовать в управлении. Иврит был запрещен, но евреем было разрешено получать советское образование. Если в Польше перспектива учиться была только у богатых евреев, то при советской власти была снята плата за обучение, появилась одинаковая для всех возможность учиться, в том числе и для меня (я мечтал быть инженером). Снова стали брать евреев на административную работу. Но одновременно часть еврейского населения вывезли на восток, как неблагонадежных. Так они спаслись, хотя голодали и мучались. Ведь как раз те, кто остался и был от этого счастлив - вскоре погибли.

Немцы захватили Гродно практически за один день и сразу же ввели свои порядки. Очень скоро евреям запретили ходить по тротуарам парами (можно было только гуськом). Если кто-то не подчинялся – могли убить, что и делали. С ноября 1941-го по приказу немецкого командования все проживающие в Гродно евреи вынуждены были поселиться в двух гетто, которые располагались на Замковой и Иерусалимской (Антонова) улицах. Из них с ноября 1942 года фашисты стали вывозить людей в лагеря смерти: Треблинку и Освенцим. Так погибли почти все гродненские евреи, в живых осталось не более 200 человек.

Гетто Немцы вынуждали нас ходить на работу, за которую не платили и даже почти

не кормили. Выдавали только по 100-150 гр хлеба в сутки. Только некоторые люди из жалости передавали нам еду. За что мы жили в гетто? Это немцев вообще не интересовало. Мы обменивались, распродавали все, что могли.

Должны были работать все мужчины старше 17 лет. Мы собирались на площади Скидельской, где сейчас находится автовокзал. Именно туда приходили «покупатели» и разбирали работников. И так происходило каждый день. Хотя мне было 16 с половиной лет, но я тоже стал ходить на работу, потому что родители боялись, что если немцы застанут меня дома и проверят документы – меня убьют на месте.

Над евреями фашисты издевались изощренно, убивали за любое неповиновение, часто устраивали показательные казни. Например, после принудительных работ заставляли рабочих купаться в грязной воде без мыла, при этом заставляли их «мыть» друг друга кирпичами вместо мочалок, а если те не драили друг друга до крови, их били. Однажды немцы гнали через Румлево группу евреев, и вдруг отделили часть из них, под дулами автоматов загоняли в Неман и, смеясь, ждали на берегу до тех пор, пока все не утонули. Остальные евреи на это должны были смотреть.

Если кто-то уходил из гетто и его ловили – расстреливали на месте. Однажды из гетто вышли парень с девушкой, их поймали и привели обратно. Немцы устроили показательную церемонию. Они повесили девушку, потом парня, а также мужчину по фамилии Шпинглер, отца моей одноклассницы, который был ответственным за дом, из которого ушли беглецы. Они повесили всех троих на балконных подпорах одного из домов по Большой Троицкой, и их тела должны были несколько дней висеть для устрашения.

Иногда в евреев беспричинно стреляли так, чтобы несчастные долго умирали от ран. Из дворика юдендрата (там, на улице Замковой, сейчас висит доска памяти жертвам гетто), кровь вычерпывали ведрами.

"Отпустите его!" Однажды я получил более-менее постоянную работу. На улице Тельмана находился колбасный цех одного немца. Я должен был для него колоть дрова, а потом с одним человеком возить мясо с мясокомбината, который располагался недалеко от первой больницы. Этого человека я буду помнить до конца дней – из-за него меня тогда чуть не убили. Пока мы везли туши в цех, он воровал жир: набирал мешок и передавал напарнику, который подходил к нам на одной из улиц. Я вел лошадь и не мог не видеть этого, но молчал. Мне ни разу он ничего не дал, хотя мы голодали страшно. Однажды он украл слишком много, и в ту же ночь фашисты схватили меня, привезли в гестапо и стали избивать. Естественно, считали, что украл еврей. Немец,владелец того цеха Ролан Рудольф, стал кричать, что если жир не найдется, будут расстреляны 10 евреев. Били меня страшно, всю ночь, я полгода потом на спине не мог спать, но я не выдал истинного виновника, потому что мне бы все равно не поверили. Утром меня отвезли на мясокомбинат, и два немца снова стали меня бить. У каждого из них была своя нагайка с особыми наконечниками, которые больно срывали кожу. Они еще спрашивали меня, чья нагайка лучше. А потом подтащили к крюку, на который вешают туши для разделки, подняли и стали опускать. Они хотели надеть меня на крюк, как мертвое животное. Я уже почувствовал, как холодное железо касается моего горла. И вдруг – это было чудо! – в этот самый момент туда въехала машина владельца. Он только успел крикнуть: Отпустите его!

Аўтар: Марыя Давідовіч
26.07.2009 13:20

[redacted]